

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 82-1/29

И. Е. Васильев

г. Екатеринбург, Россия

ОБРАЗ РЕВОЛЮЦИИ В МАССОВОЙ ПОЭЗИИ УРАЛА 1917-1920-х годов*

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX – первой трети XX века»

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается отображение революционных событий в массовой поэзии, опубликованной в периодических изданиях Урала 1917-1920 годов. Выявляются наиболее распространенные представления и оценки, ставшие предметом художественной рефлексии самодеятельных авторов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Революция, Гражданская война, массовое сознание, массовая поэзия, публицистика, пропаганда, коллективные представления.

I. E. Vasilyev

Yekaterinburg, Russia

THE IMAGE OF THE REVOLUTION IN THE MASS OF POETRY OF THE URALS 1917-1920s

ABSTRACT. The paper explores the representation of revolutionary events in mass poetry published in Ural periodicals in 1917-1920. The author identifies the most widespread perceptions and appraisals that became a subject of amateur author's artistic reflections.

KEYWORDS: Revolution, Civil war, mass consciousness, mass poetry, journalism, propaganda, collective perceptions.

Революционные потрясения 1917 года и события Гражданской войны никого не могли оставить равнодушным, ибо так или иначе касались каждого жителя страны. Происходила грандиозная ломка общественного устройства, потребовавшая воли, энергии, решительности, мобилизации всех ресурсов и человеческих способностей для решения задач по переделке мира. Революция вовлекла в орбиту своего притяжения миллионы людей и всколыхнула самосознание масс, что выражалось, в частности, и в самодеятельном поэтическом творчестве. Стихи в изобилии печатались в газетах, журнальной периодике, брошюрах и листовках и свидетельствовали о появлении поэтов, чей голос был голосом революционной массы. Публицистический запал, пропагандистская на-

правленность знаменательно уживались в этих стихах с искренностью в осмыслении образа революции и своей к ней причастности. Какие стороны революции и Гражданской войны как ее продолжения и в каких формах привлекали их внимание? Насколько удались попытки уральских авторов запечатлеть и осмыслить образы времени?

Февральская революция на Урале, как и в большинстве регионов России, была встречена восторженно, и на какое-то время вызвала общественную эйфорию. Многие общественно значимые фигуры того времени патетически приветствовали, связывая с падением монархии представление о долгожданной свободе, новых возможностях для развития страны и надежды на улучшение жизни народа. Поэты

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

говорили о «пробуждении» страны и воскрешении русского народа, сравнивали происходящее с пасхой, наполняющей воздух колокольным звоном, весенними настроениями. Так, екатеринбургский литератор В.П. Чекин, прославлял революцию, называя февральские события «светлым праздником»: «Да здравствует свободная Россия! / Да здравствует раскованный народ! [5, с. 163]. Все вдохновлялись достижениями европейской цивилизации, лозунгами буржуазной демократии «Свобода! Равенство! Братство!», которые на свой лад варьировались на Урале: «Но разве кровь венец всего? / И разве в ненависти – новь? / От злобы гибнут без следа / Свобода, правда и любовь» [5, с. 44].

Художественное осмысление происходящего на страницах газет утверждало заслугу революции в деле разрушения господства чиновников, полиции, монархического аппарата принуждения. Все антинародные силы получали негативную характеристику и выступали в массовом восприятии как силы зла. Революционная риторика задолго до февральской буржуазно-демократической революции изобрела емкое их обозначение – темные силы. В семантических границах этого понятия осуществлялись их уральские атрибуты 1917 года: «злодеи» [5, с. 246]; «палачи» [6, с.30]; «Каины» [5, с.25]; «ядовитые змеи» [5, с. 34]; «вампиры» [5, с.66]; «шакалы и волки» [6, с. 20]. Эти определения принимались и «правыми» и «левыми» политиками, сторонниками и противниками тех или иных начинаний. Собирательность понятия позволяла вписывать в его смысловой объем самые разные, порой совершенно противоположные реалии (монархия, германские войска, бюрократия, буржуазия и т.д.), но главное – служила задаче консолидации сочувствующих демократическим преобразованиям. Все клялись в верности русскому народу и обличали его внутренних и внешних врагов. Стремясь отождествиться с положительными силами революции, поэты использовали личное местоимение первого лица множественно-

го числа «мы», а также притяжательное местоимение «наш», относящее человека к группе лиц, среди которых есть и говорящий: «Наше спасение – / Объединение. / Светлая жизнь впереди» [5, с. 30-31]. Такого рода единение показывало, что идеалы революции становились общим этикомировоззренческим камертоном общества.

Революция знаменовала собой границу между прошлым и будущим и одновременно обеспечивала переход от старого к новому. Уходящая эпоха сторонниками революции рисовалась в темных красках, воплощала в себе негативное начало, будущее казалось светлым, полным больших возможностей. Революционное настоящее представляло зоной лиминальности, ареной столкновения враждующих сил. В массовом сознании жили упования, что в результате борьбы старый мир рухнет и революция чудесным образом преобразит мир в земной рай. Если обыденное восприятие имело дело с конкретно-историческими явлениями и процессами, то поэтическое отображение стремилось к художественным обобщениям, использовало знаково-символическую форму, в том числе и устойчивую образность, поэтому путь в счастливое будущее пролегал через схватку с темными силами, многочисленные усилия и жертвы. Совокупными усилиями поэтов конструировался революционный миф, в рамках которого живет и действует культурный Герой – воин и кузнец. Такой герой в соответствии с мифологическими представлениями превосходит способности рядовых людей и возвышается над природой: «Я могуч... Я весь из стали... / С тяжким молотом в руках. / Все невзгоды, все печали / Я разбить сумею в прах!» [5, с. 89]. Молотобоец, разбивающий цепи рабства, – образ, рожденный революционным пролетарским мировосприятием, но корни его уходят в далекое прошлое, к образу бога грозы и грома, небесного огня, повергающего дракона.

Февральская революция, свергшая монархию и давшая буржуазно-демократические свободы населению, от-

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

менившая смертную казнь, вскоре стала пробуксовывать. Временное правительство со своими задачами не справлялось. Накопившиеся противоречия нарастали, социальные противостояния усиливались. Общество оказалось неготово к самоорганизации на новых принципах. Среди населения распространялось неверие, ожесточение и неуважение друг к другу. Стало понятно, что никакого мгновенного улучшения ситуации в стране не предвидится. Стали множиться те трактовки революционного мифа, которые связывали переход к новой жизни со страданием и жертвами, возрождающей гибелью. Так, в стихотворении В. Илякова «Песня революционеров» муки и страдания борцов за народное счастье уподобляются распятию и воскрешению Христа: «Мы с крестом на Голгофу тащились. / Нас терновый кустарник коллол...», «И воскреснет народное царство, / И на нем будет правды венец» [5, с. 81]. У другого автора «израненная» родина-мать «в муках тяжелых рождает ...свободный и сильный народ» [6, с. 44].

Октябрьский переворот еще отчетливей поделил мир на своих и врагов. Автор, взявший себе псевдоним Фома Кузнец, в стихотворении «Буржуй и пролетарий» с предельной простотой и ясностью выразил конфликт времени: «Ты жил во дворце, – я в подвале холодном. / Ты вечно был празден, – я вечно в труде, / Ты был пресыщенным, – я вечно голодным. / Ты в злате купался, – я в горькой нужде...». Наступил час, когда обездоленные и неимущие предъявили счет благополучным и состоятельным: «Оковы распались, но годы страданья / Изранили душу и сделали злой. / Так вот почему в час великий восстанья / Я, грозен и гневен, стою пред тобой» [5, с. 159].

Борющиеся противники всячески унижали друг друга, обличали и выражали взаимную неприязнь, а то и ненависть. И белые, и красные, приукрашивая свои достоинства, выступали патриотами, ратовали за свободу, которая могла быть

достигнута лишь путем уничтожения врага.

Так, в стихах белогвардейских поэтов все, что связано большевиками, Красной армией представало отталкивающим, ибо красноармейцы в восприятии защитников устоев покушались на святое – родину-мать, отчий дом, семью и близких: «...Русь охвачена борьбой. / На ее больное тело / Нож заносит сын родной. / Красным гордо он зовется, / Дик – свирепый супостат! / Кровь в стране ручьями льется, / Восстает на брата брат» [10, с. 4]. Авторы не жалели черных красок и уничижительных эпитетов, характеризуя противника: бойцы Красной армии это «шайка фанатов», «воров и иной голытьбы», «отвергнув законы и право», они узурпировали власть. Фиксируется их жестокость, уродство и безумие, а также разрушительные наклонности. Особенно возмутительным представало святотатство большевиков, поругание ими религии, осквернение храмов, родных могил: «Те храмы, где жарко молились когда-то, / И мы, и отцы наши – во вражьих руках, / И грубые ноги чужого солдата / На дедовских стали костях. / Добро трудовое разбойничьи взято, / Грабеж узаконен толпою убийц, / Оплевано все, что и мило, и свято / От века для наших станиц» [2, с. 1]. Противостоящие же злым коммунистам сторонники белого движения изображались благородными патриотами, «великанами», очищающими страну от проказы большевизма [11, с. 3].

Временные победы над противником тут же становились предметом воспевания и славословия. Так, после освобождения города Уфа от красных челябинский поэт Н. Арнольд пишет торжествующие стихи об этом событии: «К ногам отчизны возрожденной / Уфа склонилась... Город пал. / И враг, позором заклеянный, / От грозной армии бежал». Белая армия виделась ему воплощением праведной силы и мощи, освобождающей от вражеских «уз» и «оков»: «В порыве мощного движенья / Сметает полчища врагов. / И рвутся узы заточенья, / Спадают тяжести оков». Обре-

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

тение свободы предстает всеобщим праздником возрождения и счастья, который сопровождается ликованием природы, потоками солнечного света: «Еще порыв, еще мгновенье, / И солнце ярче заблестит, / И светлый праздник возрождения / Россию счастьем озарит» [1, с. 1].

Борьба с красными поддерживалась обращением к религиозной образности. Публиковались молитвы с просьбами сбереечь нацию, православные устои и традиции, сохранить страну сильной и неделимой («Господь, Творец Вселенной, / Народ твой сохрани! / Чтоб правдою и верой / Жил в мире и любви! / Да будет Русь единая, / Велика и сильна! / Да будет неделима / И для врагов страшна!..» [9, с. 1]), остановить кровопролитие («Останови, Христос, / Движенье вражьей битвы, / Кровавый бой, Христос, / Молю, останови!» [3, с. 2]), благословения воинам, идущим в бой («Благословен, кто в бой унес / В живой душе живого Бога, – / В предсмертный час печатью слез / Не омрачит его тревога» [4, с. 2]), прощания с родными, с матерью, напутственно осеняющей крестом сына, идущего на воинский подвиг («Ты слышишь бранный клич! С поднятой головою, / С восторженной душой мы на врага идем / И, осененные молитвой нам родною, / Мы победим или умрем» [8, с. 3]).

По мере осложнения обстановки, затягивания военных действий в условиях Гражданской войны все чаще начинает преобладать пессимистический взгляд на исход этой битвы. Смерть предстает всеильной и победительной. Никто не может спастись от ее гнева «ни красавица-дева,

ни монах, ни мужик, ни юнец, ни старик». Прочитанное стихотворение Яков Пасынкова является своеобразным экфразисом, изображающим пляску Смерти с ее неизменными атрибутами (коса, скелетообразный вид, белый саван) [9, с. 3]. Мотив карающей смерти отсылает к христианскому сюжету бренности и тщете земной жизни. К религии прибегал Пасынков и в тех случаях, когда в трудную для людей минуту призывал к любви и долготерпению, стойкости, верности избранному пути: «Будь герой до конца. И, страдая, любя, / За идею свою не жалея и себя: / Ведь в любви и страданьи – вся жизнь. Посмотри – / Сколько гибнет людей... Никого не кори – / И умри...» [9, с. 3].

Политизация стихотворных публикаций приводила к широкому использованию трагестированных форм, комических перелицовок известных произведений, сатирических перепевов чужих мотивов. Так, стихотворение П. Зелинского «Нищая» воспроизводит отдельные образы и компоненты структуры одноименного популярного романа А. Алябьева на слова П. Беранже. Под видом нищенки в нем выступает современная автору Россия – когда-то сильная и могущественная страна, но теперь разоренная, разграбленная, опустошенная войнами и революциями: «И вот теперь, в одежде рваной / Стоит страдальца с клюкой. / Ей по несчастью нету равной / Такой как Русь страны другой: / Она все в жизни потеряла. / Презрение не шлите ей, – / Ее Европа уважала... / Подайте Христа ради ей!» [7, с. 2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд Н. Уфа // Вестник Приуралья. – 1919. – № 3.
2. Беленинов А. Призыв // Вестник Приуралья. – 1919. – № 10.
3. Величко П. Молитва // Курганская свободная мысль – 1919. – № 132.
4. Величко П. Благословение // Курганская свободная мысль. – 1919. – № 132.
5. Голдин В.Н. Поэзия гражданской войны в периодических изданиях Урала: 1917-1919 годы. В двух кн. Кн. первая. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. – 272 с.
6. Голдин В.Н. Поэзия гражданской войны в периодических изданиях Урала: 1917-1919 годы. В двух кн. Кн. вторая. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. – 227 с.
7. Зелинский П. Нищая // Курганская свободная мысль. – 1919. – № 108.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

---

8. Коробейников Ю. Прощание // Сибирские стрелки. 1919. № 61.
9. П.С. Мольба за Русь // Вестник Приуралья. – 1919. – № 20.
10. Пасынков Я. Смерть // Курганская свободная мысль. – 1919. – № 32.
11. Чернявский Г. За отчизну // Голос сибиряка. – 1919. – № 2.
12. Шершень. Песня о сибирских стрелках // Сибирские стрелки. – 1919. – № 61.